

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

Наши войска, взяв Николаев, подбираются к Одессе, возбудив бурное ликование всех одесситов, в том числе и моего «почтенного» супруга. Киев в глубоком тылу. Всё это невероятно! Союзнички продолжают кормить нас сказками и филистерскими обещаниями насчёт 2-го «фронта в 44 г.», но мы, кажется, действительно, и «сами с усами». Вот и всё!

Недавно произошло событие, обрадовавшее меня, но и повергшее в печаль: освободили Нину Маковскую. А что же мою бедную мамусю?! Написали с Мишей опять несколько заявлений, разослали, ждём. Что-то мой Мишута привезёт по этому вопросу мне из Москвы. Мне чуется почему-то, что мамочка будет скоро с нами. Боже, помоги нам!

В Казань, к дочерям, приехали Мишины родители, гостили и у нас. Симпатичные старикаши.

5 апреля 1944 г. Сейчас перечитала кое-какие странички из своего страшного дневника. Нашла фразу «Неужели я когда-нибудь скажу, что я хорошо сделала, что тогда не затынула петли на шее?!» — мне сейчас хочется сказать эту фразу. Из зеркала на меня смотрят спокойные и ещё живые глаза, хоть и окружённые морщинками. Столько пролитых слёз даром не дались».

Много позже, 24 января 1989 года (в день рождения папы), впервые перечитав дневник, я приписала: «<...> искренний, но, скорее всего, не «для печати», хотя как знать — идеологическая атмосфера в нашем многострадальном государстве с середины 80-х годов стала заметно меняться».

III. ПРОДОЛЖЕНИЕ КРЕСТНОГО ПУТИ

**Всё приходит слишком поздно:
К невиновным — оправданье,
Осуждение к убийце,
Опоздания, опоздания,
Век за них не расплатится.**

И.А. Снегова.

(Снегова И.А. Избранные стихотворения. — М: Художественная литература, 1973. с.99).

1. Освобождение мамы

25 декабря 1942 года восстановилась почтовая связь с мамой, прерванная с началом войны, теперь очутившейся в казахстанских лагерях, куда перекинули её вместе с Н.А. Маковской из карельских лагерей. Появилась возможность снова отправлять маме посылки и письма, вплоть до её освобождения в сентябре 1945 года, как раз в год окончания войны. В своих воспоминаниях мама описала, в том числе, вторую половину своего заточения с тяжелейшей подневольной работой на полях и сопках Казахстана (Судьба «врага народа» и его семьи: Из воспоминаний жены горного инженера П.П. Евангулова // Советские архивы. № 1. 1991. СС.77-83).

«Привезли нас в Казахстан на главную точку, а там стали размещать всех по участкам. Тут мы расстались — Шейкину и Кудиш (Шейкина Зоя Фёдоровна — жена Бориса Андреевича Шейкина, начальника штольни на строительстве. Елена Романовна Кудиш — жена Бронислава Юльевича Кудиша, начальника строительства) потеряли и остались только с Ниной Маковской... Кроме сельских работ, были ещё овцеводство, швейная мастерская и контора. Меня направили в швейную, Нину — в контору. В швейной, кроме нас, работали бытовики сапожниками... Попавшие на «овцы», гоня их по сопкам, пили сырое молоко, чем зарабатывали себе бруцеллёз и погибали от этой болезни. Однажды несколько человек, в том числе и меня, из мастерской направили на овец. Я думала, что пришёл мне конец! Нам, двум женщинам, дали отару в 300 голов. Надо было держать их в куче и не давать разбегаться по сопкам. Не дай Бог, если бы одна пропала — давали ещё срок!

Так мы промаялись около недели, а затем я пошла к начальнику и сказала ему, что я горожанка, овцу видела только жареную на столе, а потому прошу перевести меня на другую работу... Он сказал, что переведёт на общине. Тут нас перевели на полевые работы, больше всего копнили сено и ещё что-то в этом роде. Я заметила, что у всех женщин страшно отекают ноги: авитаминоз или сердечное.

Работали в поле при 30° жары, 600 гр. хлеба и скудное питание. Скоро та же участь постигла и меня. Я отправилась в медпункт (там доктором работала наша женщина (здесь «наша» в смысле ЧСИР — член семьи изменника родине)) и сказала, что требую немедленно отправить меня на Центральный пункт в больницу. Она срейфила и начала всячески уговаривать меня продолжать работать. Тогда я ей сказала: «Если не отправите, покончу с собой, а в таком виде существовать не буду!» Врач окончательно перепугалась и каким-то образом добилась у начальника разрешения. На другой день меня отправили в больницу. Там было чисто, на окнах цветы, все ходили в халатах.

Главным врачом была Менжинская, тоже наша — жена Главнокомандующего армией. Она в моей карточке написала «прогрессирующий порок сердца», а потому после больницы, где я пробыла недели две, меня снова водворили в швейную мастерскую, и, таким образом, я осталась жива».

И о самом освобождении:

«Не всем приходилось радоваться освобождению. В день конца срока вызывали на комиссию, проверяли здоровье и возраст (уже врачи с воли) и, если оказывались подходящими, то, выпуская людей за проволоку, запрещали выезд из Казахстана. Эти женщины вынуждены были искать себе работу, большей частью полевую, и жильё. Положение получалось, пожалуй, сложнее, чем в лагере.

Настал день и моего освобождения! 2-е сентября 1945 года!

Я думала, что от волнения всё лопнет внутри...

Точно с таким же волнением ожидали мы с мужем известий от мамы о её выходе на свободу».

Мама продолжает:

«И вот начали врачи меня осматривать, выслушивать, читать мою карточку (где значился порок сердца). Среди вольных врачей была и наша. Она выслушала меня и объявила: «какие-то заглушённые тонусы...» Один из комиссии спросил, могу ли я подписаться, что я не работоспособна. Я ответила: «Да, конечно». Я расписалась и отправилась в барак, мне дали выезд из Казахстана. Конечно, я в этот момент была счастлива!

Приехали мы на «Корабль», так называли мы пункт в Караганде, откуда давали направление в место нашего назначения. На «Корабле» я встретила Кудиш Елену Романовну; она была страшно истощена — у неё началась пеллагра. Дальше двигаться она была не в силах. Её поместили тут же в больницу (там она погибла — Е.Е.).

Я просила дать Ленинградскую область, чтобы быть ближе к Ленинграду, где жила моя дочь. Мне дали Калининскую область... Год я прожила в г. Валдае, а там с помощью Жени перебралась в Малую Вишеру. Оттуда стало легче попадать в Ленинград, конечно, нелегально».

Добавлю, что на руках у мамы имелись заслуживающая внимание любопытная «Справка № 203769» и паспорт с печально знаменитой отметкой «39», перекрывающей возможность селиться ближе, чем в 101 км от крупного административного центра.

С мая 1945 года я начала ходить в «дом на Литейном» в надежде получить сведения об отце. При очередном моём посещении всё такой же мрачный сотрудник НКВД угрожающе мне заявил, что если не прекратятся мои «настойчивые домогательства», то меня уволят с работы и выдворят из Ленинграда: «Вы ещё молоды, стройте свою жизнь, работайте и забудьте обо всём, что было — вот Вам мой совет, иначе будет плохо!».

Этому чиновнику было невдомёк, что перед нашими глазами неизменно стояли лица исчезнувших, как в пропасти, родных, взывавших к нашей памяти, причиняя нескончаемую боль.

В результате наших с мужем мытарств, связанных с пребыванием мамы за 101-м километром, мы вконец были измучены мотанием между здешней Малой Вишерой и Ленинградом. В те недели, когда мама обитала у нас в Ленинграде, вид каждой милиционерской фуражки, особенно, если она возникала поблизости и внезапно, заставлял покрываться нас холодным потом.

Для конспирации мы полгода снимали маме комнату на окраине города, в Озерках. Кстати, как выяснилось позже, хозяином снятой комнаты оказался бывший сотрудник НКВД в отставке. Такой вот курьёз!

Однажды, ещё в 1947 году, моего мужа вызвали в «досточтимую» организацию и, по известному сценарию, пригрозив ему за незаконное посещение Ленинграда тещей наказанием, предложили Мише поступить к ним на работу. После его отказа Миша из Академии был, конечно, уволен и направлен в войсковую часть Омска, и нас лишили жилья.

31 марта 1948 года я защитила диплом в ЛПИ на звание инженера-металлурга и, пройдя преддипломную практику, была принята на работу в НИИ Токов Высокой Частоты (впоследствии им. В.П. Вологодина). Этот институт образовался в 1947 году благодаря стараниям выдающегося учёного и талантливого организатора — члена-корреспондента АН СССР Валентина Петровича Вологодина (Вологдин Валентин Петрович (1881-1953), член-корреспондент АН, профессор, основатель (1947) и директор НИИ Промышленного применения токов высокой частоты. Институт был образован на базе высокочастотной лаборатории в ЛЭТИ, которой заведовал В.П. В войну, будучи эвакуированным в Челябинск с танковым заводом, в кратчайшие сроки организовал высокочастотную поверхностную закалку коленчатых валов для танков, за что был награждён лауреатской премией. Беспартийный. Памятник В.П. Вологдину стоит перед фасадом ВНИИТВЧ им. В.П. Вологодина, находящимся в Шуваловском парке). Наряду с эрудицией в научно-технических областях, этот человек обладал большой независимостью и справедливостью, прекрасно разбираясь в окружающей обстановке и, присущим ему умом, находя выход из любых ситуаций.

Например, в конце 1949-х годов, уже после войны, в нашем молодом НИИ нашлись энтузиасты из членов парторганизации вкупе со Спецотделом, составившие тайный, пока, список людей, подлежащих увольнению. Туда, естественно, угодила и я с моей биографией. Однако Валентин Петрович, со свойственной ему неприсклонностью и даже, может быть, смелостью, всех опальных сотрудников отстоял. В 1949 году моему мужу удалось демобилизоваться и вернуться в Ленинград. Но после этого начались мыканы по устройству на работу. Всюду за Мишей по пятам следовала его «характеристика с пятном». Буквально за день до истечения срока, связанного с потерей рабочего стажа, нашёлся директор посмелее и принял Мишу преподавателем в радиотехнику на 3-й линии Васильевского острова. В 1950 году Валентин Петрович Вологдин пришёл нам на помощь, предоставив жилую площадь в ведомственном доме.

В начале 1950-х годов серьёзно заболела Н.А.Маковская. Она после освобождения из Казахстанского лагеря находилась в Коврове — за 101-км от Москвы, в которой жила и училась в Библиотечном институте её дочь Марина. Вскоре по болезни Нине Александровне удалось прописаться у дочери в Москве.

У нас с Мишей сразу же явилась мысль, что, очевидно, даже в граните нашей милиции можно найти брешь. Подтверждением этому послужил один из наших визитов в начале 1953 года в «большой дом», когда благодушно настроенный сотрудник, как бы невзначай, проговорился: «Да, имеется статья, касающаяся режимов прописки, где говорится об особых случаях, связанных с тяжёлыми заболеваниями».

Между тем, за полгода до этого, мама с нами поехала на время нашего отпуска на юг Украины и там вдруг очень тяжело и непонятно заболела. По возвращении в Ленинград её пришлось уложить в больницу, главным врачом которой, на наше счастье, служил брат жены дяди Серёжи, Ирины Николаевны, — Г.Н. Чиркин. По выходе из клиники мама, очень ослабленная, находилась у нас дома.

И теперь, уже в 1954 году, увязав историю с Ниной и упомянутый разговор с сотрудником, мы с мужем решили попытаться добыть для мамы справку об инвалидности. В этом нам очень помогла одна славная и умная женщина-врач, Сима Марковна Чернявская.

Имея на руках желанную справку, мы с Мишей получили разрешение на постоянную прописку моей 60-летней матери в Ленинграде на нашей площади.

Радость наша была безмерна — мы и плакали и смеялись. Хоть малая толика адских мучений осталась позади!

(Продолжение в следующем номере).